

НОВЫЙ ОМУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСЕЙ
НАСТ

Алексей Николаевич Наст

Новый омут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31736350

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-12326-7

Аннотация

Роман написан на основе повести "Тихий омут", размещённой на ЛитРес с 2018 года. Новая история и уже большая. Молодая женщина полюбила! Что ж тут страшного? А всё забурило, вскипело кровавым гейзером! Все черти омота сцепились разом в яростной грызне! Жестокие криминальные разборки, кровавые схватки, драки, откровенные сцены в нелегальных борделях, столкновения мафиозных группировок, стрельба, взрывы... В общем, обычная, нормальная жизнь... Содержит нецензурную брань.

Серые тёмные тучи клубились, шли очень низко, давили своей мрачной массой.

Джип «Ниссан-Патруль» резко сбросил скорость, плавно вошёл в парковочный ряд, и затих, в однообразной чередё японских внедорожников. Дородный человек, в расстёгнутой, короткой, рыжей дублёнке, и, классического покроя costume, без шапки, морщась от холодного, со снежной крупой, ветра, выпрыгнул из джипа прямо в мокрую грязь, захлопнул дверцу, и заспешил к дубовым дверям высотного здания с резными колоннами.

Он почти вбежал в вестибюль, нервно стянул дублёнку, всучил её опешившему дежурному полицейскому, пояснил кратко: «Некогда мне!», и помчался к широкой, укрытой красной ковровой дорожкой, лестнице. Он побежал наверх, оставляя грязные следы.

Полицейский подошёл к огороженной барьером раздевалке, передал дублёнку гардеробщику, спросил:

— Кто это?

— Лакрионов. Мэр Сергеевска.

— Я-то думал.

— Э-э... Он друг...

— Чей?

— Чей, чей... Его.

Тем временем, Лакрионов был уже в приёмной.

За тяжёлым массивным столом из морёного дуба, сидевшая секретарша, только чуть привскочила, но он уже ворвался в кабинет губернатора, и замер.

Длинный стол для совещаний был заставлен бутылками с минеральной водой. Шуршали, перебираемые холёными толстыми пальцами, листки отчётов и справок – шло совещание. Лакрионов узнал всех «ментов»: начальника краевого управления МВД, начальников областного и городского управления, начальников ГИБДД и отделения МЧС, таможни, порта, и прочих силовиков края. Не было только эфэсбэшников. Губернатор исподлобья стрельнул в Лакрионова взглядом, но не пошевелился.

Зачитывавший месячную сводку, начальник городского УВД, по инерции, произнёс ещё несколько фраз:

— Таким образом, у нас в работе четыре организованные преступные группировки, три из них этнические – это китайская Ли Гуана, корейская Кима, и вьетнамская Хэн Хана. Портовая группировка братьев Акашиных всем хороша известная ... – он умолк, и тоже повернул голову в сторону дверей.

Лакрионов уверенно направился, мимо сидящих за столом, к губернатору.

— Что у тебя? – губернатор откинулся на спинку кожаного кресла – взбудораженный вид друга не произвел на него никакого впечатления.

— Читай, – Лакрионов всучил губернатору розоватый плотный лист бумаги, источающий нежный аромат духов.

Губернатор покорно начал читать вслух:

— Свершилось! Не ищи меня! Я долго была рядом с тобой, но твой член всего шесть сантиметров, и я устала ничего не чувствовать, я женщина. А мой дракон, хоть и карлик, даст фору любому из твоих дружков!

Губернатор недоумённо воззрился на Лакрионова.

За столом начались смешки. Мэр Сергеевска стоял красный, как рак – он не ожидал, что текст будет прочитан вслух.

— Саша, что за хрень? Член шесть сантиметров! Чей член? Твой?

— Ха-ха-ха!!! – мужики за столом взорвались хохотом, совершенно не щадя самолюбия Лакрионова. Тот отвернулся, и стоял спиной к силовикам, пока они бушевали, держась за животы. Даже друг губернатор не сдержался, гоготал во всё горло.

Через десять минут, отсмеявшись до боли, вытирая слёзы, успокоились. Губернатор, ощутив после смеха прилив сил и бодрости, подёргал убитого горем Лакрионова за рукав.

— Саша, сегодня же не первое апреля! Смешно, конечно, но что значит твоя клоунада?

— Какая клоунада?! – взорвался гневом Лакрионов. Стыд и бессилие сменились злобой. – У меня баба сбежала! С этим самым драконом...

Губернатор насупился, построжал.

— Зачем ты так? Мог отдельно со мной поговорить.

Кое-кто за столом всё ещё посмеивался, покачивая головой.

— Хватит! – хлопыстнул ладонью по столу губернатор. – Мы все интеллигентные люди, давайте вести себя соответственно... И что, Саша, ты хочешь от меня?

— Ты царь и бог! Верни её!

— Зачем?

— Убью!

— Саша, как ты себя ведёшь? Ты мэр города ... Посмотри на меня, на них – вот нормальные мужики. А ты, как баба, нюни распустил... Шалава от него сбежала... С этим, как его, драконом... Ты дурак, Лакрионов?! Да, если это в газете попадёт, ты понимаешь, что с тобой будет?! А со мной?! А со всей нашей командой?! – губернатор зло швырнул на стол позолоченную перьевую ручку «Паркер» за пять тысяч долларов. – Мудак. Как её зовут? Ольга, кажется. Иди, сядь, не стой надо мной!

Лакрионов покорно опустился на стул у стены. Губернатор молча перечёл прощальную записку, проворчал:

— Дракон... карлик. Он карлик?

За столом опять прыснули.

— Карлик из цирка, – отозвался Лакрионов, глядя в пол.

— Какого цирка? Что там у тебя творится?!

Начальник краевого УВД, твёрдым басом пояснил:

— Дракон, видимо, Лу Пычен, акробат – артист из тай-

ваньской труппы. Цирк приехал на гастроли четвёртого апреля. Три дня были выступления у нас здесь, потом они покочевали по краю – в Находке три спектакля, в Уссурийске – пять. Всего в труппе сорок человек артистов и обслуживающего персонала. Лу Пычен, действительно, карлик, и носит прозвище «Дракон Любви».

— Николай Павлович, а ты почему так пристально взялся за тайваньский цирк? ФСБ у нас в крае крепкая, их дело...

— Мне цирк не нужен. Просто, имею информацию, что Дракон Любви работает на тайваньскую разведку. До этого он работал в Гонконге, но его там легко вычислили. Долгое время он отсиживался на Тайване, теперь, видимо, у него новое дело – против нас.

— Это не секретная информация?

— Нет, информация открытая. ФСБ специально рассекретила Лу Пычена, чтобы он, поняв, что проиграл с самого начала, не делая глупостей, убрался, по добру, по здорову. Наше управление, в этой связи, вело за Пыченом дополнительное наблюдение. Так, на всякий случай.

— Когда ты нашёл записку? – обернулся губернатор к Лакрионову.

— Сегодня утром. Приехал к шести утра домой, с совещания, а её нет, и записка на столе лежит.

— Знаю я твои совещания... Сбежала с драконом... Надо ФСБ известить... Куда могли эти беглецы отправиться?

— Ясно куда – на север, – сказал начальник УВД края. – В

Комсомольске-на-Амуре комплектуют подводную лодку нового класса.

— Насчёт Комсомольска – информация закрытая, – буркнул начальник отделения МЧС.

«Главный мент» ухмыльнулся.

— Эту закрытую информацию знает каждый житель региона.

Губернатор внимательно посмотрел на Лакрионова, произнёс ободряюще:

— Не расстраивайся ты, плюнь. Она ведь у тебя корейнка, вот родная кровь выиграла, на дракона её потянуло.

Силовики скупо посмеялись шутке босса.

— Она вьетнамка, – пояснил Лакрионов. Своего друга сейчас он ненавидел.

Чёрное, пуленепробиваемое «ауди», с мигалкой на крыше, неслось по улицам Москвы, в сторону Кремля – через тридцать минут Президент страны начинал совещание Совета Безопасности. Глава Федеральной Службы Безопасности ехал в машине вместе с прилетевшим с Дальнего Востока, начальником краевого управления, и начальником ОСУ – особого специального управления. Тревожную «весть» о «побеге» Дракона Любви, сообщили в Москву ещё вчера вечером – с утра уже прибыли дальневосточники. Принимать

меры требовалось незамедлительно.

— Думаете, самым верным, будет послать законспирированного суперагента? – спросил глава у начальников.

— Да, одного хватит. В сущности, у нас всё под контролем, – начал дальневосточник.

— Кроме Дракона...

— Всех наших местных в лицо знают, поэтому, просим человека из центрального управления.

— Не хочется трогать ребят из центрального управления, тут работы не початый край, да и многие известны – думается, Дракона хорошо подготовили перед заброской к нам, и просветили насчет возможных агентов, которые будут ему противодействовать, в том числе и из центрального аппарата. Лучше привлечь секретников, так что задействуем ОСУ.

Глава ФСБ посмотрел на начальника дальневосточного управления, после обратился к главе ОСУ:

— Кого пошлешь?

— Серёжу Ли.

— Китаец? – Начальник дальневосточного управления удивился.

— Фамилия у него китайская... А он кореец, но русский...

— О-о, как всё запущено!

— У нас только так!

Все скупно посмеялись.

Сергею было двадцать восемь, жил он с матерью в однокомнатной квартире на окраине Москвы. Раньше они жили в скромной квартирке ещё советской постройки, почти в центре, жили скромно – мать работала врачом-педиатром детской поликлиники, а Сергей учился. С наступлением новых времен гигантской московской стройки, когда массово начали сносить старое жильё, чтобы на его месте возводить высотки, всем обитателям их старого дома было предложено переселиться в просторные новостройки на окраинах. Обмен был «честным» – за свою квартирку Зинаида Андреевна Крючевская (мать Сергея) получила однокомнатную квартиру и солидную компенсацию в виде доплаты. Сергей на эти деньги купил себе подержанную иномарку. Правда, впоследствии, Сергей, используя служебное положение сотрудника ФСБ, из любопытства выяснил, что фирма, расселившая их дом, не доплатила каждому владельцу квартиры в старом доме, весьма немалое количество сотен тысяч рублей, даже за миллион с лишком. Фирмачи, как всегда хорошо «нагрелись» на госпрограмме. Но дёргаться было бесполезно. Да и не таким Сергей был человеком, чтобы ходить по чиновникам, по фирмам, пытаться доказать явную несправедливость. Просто служил Родине. Ну, обманули снова. Ну, время такое. Чтобы правительство не заявляло об основных ценностях и приоритетах, таких, как хорошая жизнь обыч-

ных граждан, всем было понятно, что всегда найдутся проходимся и негодяи, которые обгадят самую чистую и замечательную идею, обворуют, переведут деньги за границу, а после и сами съедут, чтобы остаток жизни счастливо купаться в роскоши и хвастаться направо и налево своей пронырливостью и предпринимательской жилкой. Это нормально – об этом твердили сладостные фильмы Голливуда. Обычная мечта индивидуума. И, если «американская мечта» – это стырить деньги, всё равно где и как, и сбежать с ними в Мексику, то «русская мечта» – также хапнуть деньжищ, и сбежать с ними в Европу. Так что, выяснив неприятные последствия переселения по московской программе расселения старых районов, Сергей удовлетворился тем, что новая квартира, пусть и совсем не в престижном районе, но просторная. И маме он, тактично, не стал объявлять результатов своего расследования – зачем расстраивать, коли ничего сделать нельзя. Нервы надо беречь, особенно, нервы любимой мамы...

Он совсем не походил на мать. Она такая маленькая, хрупкая, белокурая, с голубыми глазами и светлой кожей, он – типичный азиат – чёрная жесткая шевелюра, смуглая кожа, разрез глаз, скулы. Сергей был высокий, стройный атлет. Он знал, что его отец был кореец, хотя с китайской фамилией – Анатолий Ли, видел его фотографию. И себя Сергей считал корейцем. Сергей носил фамилию отца, увлекался Востоком (Корея, Китай, Вьетнам), в совершенстве владея единобор-

ствами, знал южную философию, и хотел служить в разведке. Но восточные языки ему не дались. Ничего не вышло и из углублённого изучения английского. От карьеры разведчика пришлось отказаться – он стал обычным агентом Московского регионального управления ФСБ, а потом его перевели в ОСУ – Особое Специальное Управление.

— Странно, мама, – как-то признался Сергей за обедом. – Я кореец, а родной язык мне не даётся.

Мать снисходительно погладила его по голове.

— Серёжа – ты русский. Ты думаешь по-русски, ты говоришь по-русски, душа у тебя русская. И кровь русская наполовину.

— Физиономия корейская.

— Может, вьетнамская? – мать хитро улыбнулась.

Эта фраза запала в мысли. Что этим хотела сказать мать? Он знал, что давно, в конце прошлого века, она работала по контракту в Социалистическом Вьетнаме. Не смотря на продолжительный срок мирной жизни, после чудовищной войны с США, жизнь во Вьетнаме никак не могла наладиться – там не хватало специалистов, царили разруха и голод. СССР бросил людские и материальные ресурсы для закрепления в Юго-Восточной Азии. После развала Союза, новая Россия ещё продолжала присутствовать в Индокитае. В России зашумели «лихие девяностые», а во Вьетнам продолжали ехать строители, военные, учителя, врачи.

Больница, в которой работала мать, обслуживала три

сельских округа, и располагалась в русском городке, при военно-воздушной базе. Одним из пилотов-инструкторов был майор авиации Анатолий Ли. Мать рассказывала, что они с отцом долго скрывали друг от друга обоюдную симпатию, только, когда контракт матери окончился, произошло объяснение, они решили пожениться, но проводить на самолёт свою невесту отец не смог, и они поженились через два месяца, в Москве. Отец, по-прежнему, служил во Вьетнаме, мать ждала ребёнка – Сергея, но, когда отец приехал в очередной отпуск к жене, всё было кончено – они расстались. Мать вырастила Сергея одна. Лишь однажды, когда Сергею было десять лет, вдруг решила связать свою судьбу с врачом, по фамилии Негратов. Всей картины Сергей не знал, но, уже в загсе, «молодые» рассорились – Негратов бежал, а мать, отказавшись от фамилии первого мужа Ли, вернула себе девичью – Крючевская.

Работая в центральном управлении, Сергей частенько вылавливал для себя любопытную информацию. Странный развод матери с отцом-лётчиком не давал ему покоя, а тут ещё эта фраза про вьетнамца... Сергей порылся в архиве загса... Выходило странное – мать с отцом, по словам матери, поженились после объяснения через два месяца и, скорее всего, до бракосочетания, близки не были. Если взять дату рождения Сергея, срок беременности не укладывался в девять месяцев. Выживали ли семимесячные новорождённые в те далёкие времена?

А ещё в Сергее возбуждал любопытство затейливый фарфоровый сервиз на шестнадцать персон – вещь ужасно дорогая. Мать сказала – это подарок вьетнамских друзей. Всё это было очень странно, но расспрашивать мать более подробно, было неловко. По существу, какая Сергею разница? Те давние дела принадлежат только матери и отцу. Но Сергей подозревал – его рождение было окутано какой-то тайной...

Командировку на Дальний Восток воспринял спокойно. Матери сказал коротко:

— Еду в Порт Дальний, буду позванивать...

Из Москвы, Сергей и группа оперативного планирования центрального управления, полетели в Хабаровск.

Совещание проводилось в региональном управлении ФСБ по Хабаровскому краю. В дело были посвящены не только хабаровчане и приморцы, но и сотрудники отделения ФСБ Комсомольска-на-Амуре.

— Охрану завода мы усилим – это понятно, – заявил директор Комсомольского отделения. – Только к нам, ваш дракон просто так не сунется. Ему и в нашем главном порту дел хватит. Предприятие №14 изделие Б нам собирает. Это куда круче. А у нас в Комсомольске что – корпус.

Начальники краевых управлений переглянулись.

Сергей согласился:

— Я тоже думаю, что надо отработать столицу Приморья.

Там сильная китайская диаспора, много незаконных тайваньских эмигрантов. И консульства там. В случае успеха, дракон может, наплевав на приличия, напрямик туда сигануть...

В самолёте, сидя рядом, прикидывали с начальником приморского управления так и сяк.

— Думаю, сочинять легенду и работать под иммигранта или чужого разведчика, нет смысла. Более уместным, считаю, прямолинейные действия – я агент из Москвы, приехал ловить шпиона-дракона. Поеду, сначала, к корейцам, потом к вьетнамцам. Отсеку эти диаспоры от китайских эмигрантов.

— По-другому, видимо, не получится. У нас в диаспорах свои осведомители есть – будем снабжать тебя информацией. Напарник будет тебе проверенный – Лёня Арахов, личность в Приморье известная.

— Кому известная? – улыбнулся Сергей.

— Шантрапе, с которой будешь работать.

Самолёт пошёл на посадку.

Сергей смотрел в иллюминатор на город внизу. Он не знал, да особо и не задумывался, почему именовал про себя, а иногда и в разговорах проскальзывало, этот наш великий, уже миллионный русский мегаполис, расположенный на самом краю государства именем Дальний. Порт Дальний. Легендарное имя. Но это название другого города. Совершенно другого!

Германские инженеры в Китае, в девятнадцатом веке, построили морскую крепость Порт-Артур в незамерзающей гавани Ляодунского полуострова, на самом краю Квантунского выступа. Военно-морская база китайского флота служила головной болью колонизаторам-японцам. Во время японо-китайской войны база была, после длительной осады, разгромлена и захвачена ими, но, под давлением европейских держав, её пришлось вернуть Китаю. Китай, прося защиты от Японии, отдал Ляодун, с Порт-Артуром и городком Далянь России. Русские сделали из Порт-Артура военно-морскую базу, чтобы сдерживать агрессию Японии, а Далянь превратили в нормальный, гражданский город-порт Дальний. Люди селились, жили обычной, простой жизнью: в гавань приходили торговые суда, строились обширные склады, магазины, таверны, гостиницы, на рынках было не протолкнуться от китайцев, привозивших на продажу продукты полей, рыбу и дары моря, птицу и скот. Город рос, и всё было замечательно, но не долго...

В 1904 разразилась кровавая русско-японская война – Япония продолжала колонизировать Китай, и Россия ей очень мешала. Японский флот атаковал Порт-Артур. Война бушевала на Ляодуне и полях Манчжурии. Малочисленная русская армия терпела поражения по вине бездарных генералов, откатываясь на север Китая, Порт-Артур и порт Дальний, после длительной героической обороны, были сдааны. Но в 1905 году положение изменилось – японцы выдох-

лись, израсходовав свои военные и экономические ресурсы, а русские, наоборот, накопили огромные резервы на Дальнем Востоке, чтобы обрушиться на захватчиков сокрушающим ударом. Но не успели – царизм не выдержал напряжения, и прежде всего из-за положения внутри России. В 1905 году американцы, по просьбе Японии, уговорили царя Николая Второго остановить войну, чтобы он развязал себе руки для подавления первой русской революции, которую щедро спонсировала японская внешняя разведка. Какой Дальний Восток, когда в Питере и Москве кровавая баня?! В результате позорного мирного договора, два ключевых порта на Ляодуне были для России утрачены. Был отдан Южный Сахалин, русские ушли из всей Маньчжурии, которую поработили японские колонизаторы. Поражение в этой войне очень долго аукалось нашей Родине. В двадцатых годах японцы оккупировали Приморье и Забайкалье, намереваясь отторгнуть эти территории, и с большим трудом были изгнаны оттуда; в тридцатых – битвы на озере Ханко и реке Халкин-гол; всю Великую Отечественную войну японская миллионная Квантунская армия грозила ударом России в спину, и нам приходилось держать в Приморье, Забайкалье и Монголии до сорока дивизий, которых так не хватало для битв с фашистскими агрессорами под Москвой и в Сталинграде. Но в августе 45-го пришла расплата. За две недели Япония была разгромлена советскими армиями, Порт-Артур и Порт Дальний вернулись в русскую юрисдикцию. Сталин, за

помощь Китаю в освобождении от японского порабощения, получил в аренду на тридцать лет Порт-Артур и Порт Дальний, с дальнейшим бессрочным продлением аренды. Хрущёв, такой же кровавый политик, что и Сталин, которого он «разоблачил» на XX съезде (Сталин даже писал Хрущёву в Сталинград, на расстрельных списках правых и виноватых во время героической обороны города: «Никита, уймись!»), не обладал умом и тактом отца народов. Хрущёв перессорился с главой новообразованной КНР Мао Цзедуном, и тот разорвал отношения с СССР. Русские окончательно ушли из Порт-Артура и Дальнего в 1955 году. Теперь Дальний – это многомиллионный

мегаполис Далянь. Порт-Артур теперь всего лишь один из районов этого мегаполиса под названием Люйшунькоу.

Сергей снова посмотрел в иллюминатор на плывущий навстречу внизу город-порт. Почему же он называл этот город Дальним? Ведь есть ещё более дальние: на Камчатке – порт Петропавловск, на Чукотке – Анадырь... Почему Дальний?

Колёса самолёта коснулись полосы, лёгкая встряска и ощущение скорости – они уже на земле. Несутся. Торможение, реверс. И спокойное, плавное движение. Прилетели.

Ещё несколько минут, и самолёт встал. Экипаж поблагодарил за полёт, прошёл на выход, а теперь можно и пассажирам. О,кей.

Сергей ещё раз посмотрел в иллюминатор. Как там снаружи? Тёмное, укрытое тяжёлыми тучами дальневосточное

небо сверху, мокрая бетонка, самолёты в ряд. Воздушная гавань. А что, он разве ближний, этот городище, даже если сравнивать с Камчатским краем и Чукоткой? Конечно Дальний! Вон, Япония напротив. Самая главная американская военная база у русских границ, самый опасный сосед, который всю историю сосуществования вечно алчно зарился на российские земли. Япония!

Сергей усмехнулся. А ведь по договорённости с союзниками на Потсдамской конференции 1945 года, после победы над Японией мы отдавали им для оккупации юг Кореи, а они должны были отдать СССР для оккупации остров Хоккайдо – уже были подготовлены войска для вступления на остров, но американцы опротестовали своё согласие. И Сталин не стал спорить. Почему? Одному Богу известно. США и Курилы считали частью Японии, но мы взяли их боем без спроса согласия «союзников». А на Хоккайдо не полезли. А то была бы не только Северная Корея, но и Северная Япония! Кстати, есть такое японское анимэ – «Выше облаков», там у них две Японии, капиталистическая и социалистическая на Хоккайдо.

Сергей снова усмехнулся, теперь саркастически. Пусть живут самураи, теперь другие времена. А вековая народная мудрость, она снова права: за добро всегда приходится платить тому, кто его делает. Не вторглись мы на исконную территорию Японии, на Хоккайдо, и что имеем теперь? Требуют отдать Южные Курилы! Вот так вот! Всунь палец, и тебе

руку откусят!

Ладно, хрен с ней, с Японией. У него сейчас другая головная боль – тайваньская!

Сергей на выходе из самолёта с любопытством смотрел на здание аэропорта, на сумрачное, укрытое тучами, небо. Когда вышел из самолёта на трап, порыв ветра резанул по лицу каплями первого дождя.

Внизу ждал стального цвета джип «Ниссан». Подтянутые дядьки в плащах, исподлобья глядели мимо Сергея.

Начальник краевого управления махнул ему рукой.

— Это за мной. Значит, действуй, как договорились.

Он сел в джип, дядьки попрыгали в салон. Джип развернулся и помчал прочь мимо самолётов. Ну, и ладно!

Сергей нахлобучил на глаза лыжную шапочку с бубоном, поднял воротник старой кожанки.

В здание аэровокзала он попал вместе с обычными пассажирами.

Арахова он узнал сразу. Упитанный стадвадцатикилограммовый кабан под два метра ростом, без шапки, стрижка под расческу, брезентовая ветровка расстегнута – тугое пузо обтягивала футболка. Спортивные штаны и кроссовки дополняли наряд. На толстом пальце он покручивал сцепку ключей.

Сергей подошёл к нему вплотную и встал, испытывающе глядя ему в глаза. Гигант ухмыльнулся:

— Ты суперагент?

— Сергей, – протянул руку Сергей.

— Леонид.

Они поздоровались.

— Пойдём. Размещу тебя. Что пожитков мало захватил?

— Хватит.

— Сейчас смена времён года – то тепло, то холодно.

— Я знаю.

— Не разговорчивый ты. Китаец?

— Кореец.

— Что-то не похож на корейца.

— В корейцах разбираешься?

— Я сам кореец... Ха-ха-ха. В душе.

— Тогда понятно, почему я на тебя не похож.

На привокзальной площади было тесно от японских легковушек. Глаз сразу выхватил из этого расписного импорта отечественную «Ладу-приору».

— Моя, – похвалился Арахов.

— Личная?

— А то! Месяц назад купил!

Не спешно уселись, Арахов, оглядываясь назад, стыл выводить своё «сокровище» из парковочного ряда.

— Где столько денег взял? В кредит?

— Нет, за живую наличность.

— С каких доходов? – наивно спросил Сергей.

— Иди ты! Ты суперагент ФСБ, а не налоговый инспектор. «Приора» развернулась. Арахов, посмеиваясь, переключо-

чил скорость и выжал газ – машина дёрнулась. Водительский опыт у Арахова был не богатый. Но постепенно ход выровнялся, и покатали по улицам с ветерком.

— Куда едем? – спросил Сергей.

— Ко мне. Живу я один. Да, вот твой фирменный мобильник – там встроенный маячок, даже при отсутствии аккумулятора подаётся сигнал. – Арахов извлёк из бокового кармана ветровки навороченный ай-фон, протянул Сергею, потом мотнул головой. – Нет, это мой. Твой в бардачке. Возьми.

Сергей извлёк из бардачка бюджетную модель скромного смартфона.

— Сейчас пожрём у меня, а потом поедем к братьям Акашиным.

— Кто такие?

— Бандиты. Представлю им тебя. Тыр-пыр, пацаны, надо поймать шпиона, то-сё, обороноспособность государства...

— И что?

— Ничего. Слух о тебе пойдёт. Корейцы на тебя сами выйдут.

— А чем они заведуют, эти Акашины?

— Менты тебе более точно могут поведать. Что ты детские вопросы задаешь? Бандиты деньжищи гребут...

— Понятно.

— Слушай, а правда у мэра Сергеевска хрен всего шесть сантиметров?

Что у вас в Москве по этому поводу говорят?

Сергей усмехнулся. Содержание знаменитой записки стало достоянием российского народа – неизвестно как, но московские средства массовой информации получили текст и многие, падкие на дешёвые сенсации, выпустили пространные статьи о политическом кризисе на Дальнем Востоке, приводя горе-мэра Сергеевска тому доказательством.

— Опять же, не понятно, шесть сантиметров – в спокойном состоянии или уже в стоячем, – управляя машиной, рассуждал Арахов с серьёзным видом. Он повернул к Сергею хитрую физиономию. – Как думаешь?

— Не знаю.

— Да, такому мэром уже не быть. Ну, сам посуди, кому приятно – живёшь в городе, а у мэра прыщик... Не серьёзно. О, приехали.

«Приора» завернула к панельной девятиэтажке.

— Живу я посередине – на пятом этаже. Пойдём пешком.

Сергей, задрав голову, посмотрел на балконы пятого этажа. На одном из балконов, заполненном всякой дрянью, болтались на верёвке звезднополосатые трусы огромного размера. Ухмыльнувшись, Сергей поправил шапочку.

— А что пешком? Лифты не работают?

— Лифт работает, – Арахов пикинул сигнализацией, отойдя на пару шагов от машины, попиликал ещё, успокоился. – Вдруг свет отключат. Застрянем. А я жутко боюсь в тёмном лифте сидеть... Один раз было со мной такое приключение, теперь хожу пешком.

— Понятно.

Стали неспешно подниматься наверх. Стены были испи-саны ругательствами и похабными стишками, кое-где попа-дались «фрески».

— Чё так похабно в подъезде? – спросил Сергей. Видеть такое ему было непривычно – в Москве следили за состоя-нием подъездов.

— Очередь на капремонт большая.

— Сами бы скинулись.

— Блин, тебе мэрром работать. Мы и так бешеные комму-нальные платежи платим! Ещё и скидываться дополнитель-но. Мне эти надписи и рисунки не мешают. И, вообще, зна-ешь сколько этим фрескам лет? Они уже как культурное на-следие! Может, это моё поколение писало и рисовало, когда детьми были! Сейчас молодёжь не такая. Они все в Интер-нете, все за компьютерами, все в мобильники уткнувшиеся. А мы тусовались в подъездах, ну, и писали всякое. Энергии много было. Надо было сказать миру своё. Во, видишь, над-пись: «Даша – б». Кто такая Даша? Почему она б? А, она, может, живёт на верхнем этаже, и ходит каждый день мимо, и молодость вспоминает...

— Тоже лифтов боится? – хмыкнул Сергей.

— Почему?

— Ты говоришь: ходит. С верхнего этажа удобнее на лифте спуститься.

— А она ходит, когда ностальгирует. Муж достанет своей

нудностью, она сюда идёт, нервы успокоить.

— Чё, правда? Знаешь её?

— Кого?

— Дашу б?

— Какую Дашу? Я тебе гипотетически сказал, а ты давай к словам цепляться! О!

Кивнув на один из рисунков из «Кама-сутры», Арахов спросил:

— Баб дерёшь в командировках?

— Это моя первая командировка из Москвы.

— Ясно. А я думал, ты, правда, суперагент, крым и рым прошёл, эдакий бэтмен и супербой.

— В Крыму не был.

— Ха-ха. Это присказка такая. Поговорка. Понимаешь?

Поговорка – знаешь, что такое?

Сергей усмехнулся, дёрнул головой – достался ему в напарники балабол.

— А я деру. Приезжаю в город и, первым делом, к бабам. Батон у меня неутомимый. Везде баб драл – в Хабаровске, в Находке, в Благовещенске. Даже в Еврейской Автономной области. Знаешь, там кого драл? Еврейку? Не. – Арахов, веселясь, ждал реакции Сергея. – Ха-ха. Кореянку. Маленькую такую, совсем малюсенькую.

— Несовершеннолетнюю?

— Трудно ты воспринимаешь русскую речь. Маленькая, значит, росток у неё вот такой – метр сорок. Представляешь,

пихаю ей в рот – мой батон ей не влезает. Пасть у неё маленькая... Намаялся я с ней.

Поднялись на площадку пятого этажа. Арахов направился к обитой деревянными дощечками двери, единственной такой старой на площадке – остальные были новые стальные, коричневого цвета, стал скурпулёзно отмыкать четыре замка.

— Здесь я живу. Сейчас пожрём.

— Не беспокойся, я не очень голоден, – Сергей старался быть в рамках приличия, хотя уже понял – Арахов мужик простой, с ним, чем естественнее себя будешь вести, тем лучше.

— Дак я голоден. Ужасно, – Арахов отомкнул последний замок, и толкнул дверь. – Как говорил Карлсон в мультфильме: «Ну, и ты тоже проходи».

Сергей оказался в просторной прихожей, бросил сумку с вещами на тумбочку. Арахова видно не было, но за дверью туалета кряхтел знакомый голос:

— Ты проходи, Серёга, раздевайся. Можешь воду в ванную пустить. А у меня живот прихватило.

Снова ухмыльнувшись, Сергей заглянул в большое настенное зеркало, пригладил волосы. Итак, у него ответственная работа в этом живописном куске страны, и он её сделает на «пять с плюсом».

Зал в квартире Арахова напоминал комнату для хлама – по всему полу, на письменном столе, на раздвинутом диване,

валялись выстиранные носки чёрного цвета. В кресле и за креслом громоздились стопки старых книг. Стены в скромных обоях украшали множество рамок, где под стеклом на матовом фоне, крепились мумии жуков, пауков и каких-то совсем неизвестных Сергею насекомых. На полу у стены, напротив дивана, стоял тонкий телевизор модной модели 126 диагональ, рядом проигрыватель дисков с пятью колонками – домашний кинотеатр, и картонная коробка, набитая дисками с порнографией. На столе стоял раскрытый ноутбук – на открытой странице была масса фотографий с порнофейками голливудских актрис – все дивы радостно улыбались, предоставляя напоказ свои сокровенные места.

Сергей весело ухмыльнулся. Да, Арахов, действительно, прост – весь на виду, живёт без головной боли о ближайшем будущем, любит секс и насекомых.

В зал вошёл Арахов с полотенцем на голове – тёр мокрые волосы – после туалета не только руки помыл, но и голову.

— Присматриваешься? Диски – старьё. Теперь вся новая порнуха из интернета. Я телек к ноутбуку через VGA подцепил и, по большому экрану, со всему подробностями... Порно смотришь?

Хмыкнув, Сергей пожал плечом.

— А я, когда нет командировок, периодически просматриваю новые ролики, коротаю вечера у телевизора за рукоблудием.

— Ого. Ты открыто говоришь всем, что занимаешься она-

низмом?

— Я же свой «гоняю», не чужие. Ха-ха. Люди понимают. Мыться будешь?

— Ты говорил – поедем в порт.

— Чё, не мытый поедешь?

— А что, на смерть везёшь?

— Просто спросил. Как-никак, с дороги, потный там, не комфортно тебе.

— Мне комфортно.

— Ладно, супер, будем придерживаться твоих планов. Пожрём?

— Хорошо.

Кухня у Арахова находилась в куда более пристойном состоянии – пол, выложенный крупноформатным кафелем, натёрт до блеска, обеденный стол чистый, в аккуратной плетеной хлебнице ломтики ржаного хлеба. Двухметровый холодильник «Самсунг» стального цвета, совсем новый. Разделочные столы и навесные шкафчики, явно кустарного производства, оклеенные плёнкой под дерево, чистые. Оригинальной формы электрочайник с подсветкой, чёрная микроволновка с грилем, такая же чёрная машина для приготовления кофе. Ещё кулер с бутылём привозной отфильтрованной воды.

— Приятно у тебя, – сказал Сергей, усаживаясь на табуретку у стола.

— Ну, дак, – согласился Арахов, нырнул в холодильник,

извлёк три упаковки китайских пельменей. – У нас сегодня пельмени «Великая Стена». Ел такие?

— Чем от русских пельменей отличаются?

— Как чем? Змеиный фарш.

Арахов всыпал пельмени в стеклянную кастрюлю, добавил немного воды, посолил.

— Через пять минут будет прекрасное варево! Микроволновка – незаменимая вещь на кухне, особенно для холостяка. Всё быстро и вкусно.

— Правда, змеиный фарш?

— Чистая свинина. Ли, ты доверчив, как ребёнок. Даже славяне любят обувать простаков на всю катушку, не говоря уже о твоих братьях азиатах.

Через пять минут уже ели, обжигаясь горячим бульоном, сдобренным чёрным молотым перцем и уксусом.

— Русские – европейцы? – спросил Сергей.

Арахов пережевывал пищу с явным удовольствием. Смакуя, поливал ломтики ржаного хлеба шашлычным кетчупом, и заедал ими варево. Вздохнув, он немного отодвинулся от стола.

— А кто? Думаешь, такие же, как вы?

— Блок писал: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами».

— Насчёт жадных глаз – это точно. Знаешь, Серёга, мне плевать, кто русские – европейцы или азиаты, сам я татарин.

— Ты-ы? Что-то не похож, – сказал Сергей.

— Милый мой – триста лет татарского ига! Все мы татары!

— Не верю. Покажи свидетельство о рождении.

— Ага, сейчас, метнулся. Ты думай головой. Фамилия у меня какая? Арахов. Сразу понятно. Был там хан какой-нибудь татарский, мелкий, не сильно знаменитый. Арах-хан. Например. Вот. Как в комедии «Иван Васильевич меняет профессию»: ты чьих будешь?... Что такое: чьих будешь?... Чей холоп, спрашиваю?! Вот, Арахов холоп. И фамилия от хана пошла.

— Ну, были твои предки ханскими холопами, но не факт, что были татарами, может, они были пленными мастерами там, или воинами-наёмниками. Гумилёв много на эту тему писал, что русские активно служили ханам.

— Забудь Гумилёва – всю жизнь в библиотеках сидел, из пальца свои теории высасывал...

— Да ты физически не похож.

— Угомонись. Шучу я. Уж и пошутить нельзя. Русский я, русский. Как в одном старом КВНе было: партизаны мужика в лесу поймали, требуют, докажи, что русский, а то в расход пойдёшь! А тот: «Да, русский я, русский! Я за гаражами ссал!».

Сергей хмыкнул, покачал головой, продолжая есть. Спросил:

— А ты ссал за гаражами?

— А где ещё ссать в русском городе русскому мужчине? Туалетов по городу нема! А после пивка за любым кустом

отольешь!

— Понятно.

— Что тебе понятно?! Да, Ли, с тобой сложно. Шутки надо понимать на лету. Может, тебя из-за этого тугодумия к нам отправили! – хохотнул Арахов. – В провинцию. Жизни настоящей хлебнуть.

Придвинув тарелку, он снова принялся за пельмени.

Сергей наелся.

— Лёня, любовницу Лакрионова звали Ольга? Кто она?

— Баба.

— Где подцепил её мэр Сергеевска? Почему её допустил к себе Дракон?

— О, друг, твой интерес мне понятен. Ты не думай, что Лёнчик Арахов тупой боров, которому только бы позубоскалить... Видишь, чёрную папочку на подоконнике? Возьми её.

Сергей взял папку. Открыл. На него смотрела очень красивая азиатская девушка. Фотография была чёрно-белая, выполненная в ателье – художественное фото. За фотографией следовала официальная биография Лан Джи Су, которую в народе звали русским именем Ольга. Двадцать шесть лет, вьетнамка. Работала переводчиком в городской администрации города Сергеевска. Гражданка России. Отец – Хэн Хан, гражданин России, владелец сети вьетнамских ресторанов «Вьет-Тао».

— Хэн Хан? – отвлекся от бумаг Сергей.

— Да, она дочь главаря вьетнамской мафии...

— Что она делала в мэрии?

— Работала переводчиком. Дети за родителей не отвечают. Ведь так? – Арахов хитро прищурился.

— Но ведь... вьетнамцы могли влиять на Лакрионова.

— Вот, вот, капли наши дебри – пусть в Москве за головы возьмутся. Тут давно все влияют – и вьетнамцы, и японцы, и корейцы. И, особенно, друзья из Поднебесной!

Поехали в порт. В чёрной папке была краткая справка и о братьях Акашиных. Валера и Коля, ныне Валерон и Колян, с детства были дворовыми хулиганами. Отсидев по небольшому сроку в колонии общего режима, братья решили напрямую в конфликты с законом не вступать, создав для этих целей многочисленную преступную организацию – подчинённые братьям бригады «опекали» мелкие городские рынки и крупные оптовые фирмы, снабжали матросов проститутками, занимались контрабандой. Завелись связи на таможне и в порту. Со временем, Акашины стали владеть несколькими транспортными судами, которые вывозили из Японии подержанные иномарки, а три рыболовных траулера, ведя хищный лов в акватории Охотского моря, наоборот, ввозили в Японию морепродукты.

— У тебя с ними хорошие отношения? – спросил Сергей.

Арахов внимательно следил за дорогой, вцепившись в руль.

— Разговариваем иногда.

«Приора», порыскав в узких проходах между штабелями морских контейнеров, вынырнула на открытое пространство к белой будке. На звук двигателя, из будки вышли два жующих накачанных амбала в чёрной форме охраны.

— Чё? Здесь нельзя!

Узнав Арахова, амбалы смягчились, растянули губы в улыбках.

— Леонид Сергеевич, опять к нам?

— К Валерону с Коляном, – отозвался из машины Арахов.

— Езжайте. Они у себя.

Арахов газанул – «приора», дёрнувшись, поползла дальше. Сергей в зеркало увидел, что один из амбалов, уже докладывавал по мобильнику о визите эфэсбэшников.

Вскоре показалось двухэтажное кирпичное здание с большими окнами. У здания стояли три внедорожника «Ниссан» и брюхатый дутый «Мерседес», совсем новый. Сергей отметил – группировка Акашиных не бедствовала.

«Приора» тормознула перед широким крыльцом. Из распахнутых дверей здания показались два обритых налысо крепкосбитых мужика.

— Они, – сказал Арахов.

Валерон и Колян чем-то напоминали колобков – широкие, коротконогие, лобастые. Пальцы на руках толстые, костяшки сбитые – эти ребята не гнушались мордобоем. Они ели глазами лицо Сергея.

Арахов уже вылезал из машины.

— Привет, бандюки!

Он обнялся с первым коlobком, потом со вторым. Второй хмыкнул.

— При посторонних мог бы так не шутить.

Сергей тоже вышел из машины. Арахов его представил:

— Суперагент из Москвы. Сергей.

Бандиты посмеялись, пожали Сергею руку.

— Будем знакомы.

— Мы насчёт Ольги, – сказал братьям Арахов.

Братья вздохнули.

— Проходите в офис.

Внутри здания было людно – на первом этаже, представившим обширный зал, тусовались боевики братьев – человек тридцать. По винтовой железной лестнице пошли наверх. Через узкий коридор, заставленный картонными коробками с «серыми» смартфонами тайваньской сборки, пробрались к двери в кабинет.

В кабинете стоял чёрный зеркальный стол с телефонами и положенными письменными аксессуарами. Братья сели в кожаные кресла, гостям предложили стулья.

Один из братьев, подкатившись на кресле к чёрному шкафу, выставил на стол литровую бутылку водки.

— Выпьем, – сказал он просто и, вслед за бутылкой, достал стаканы. – Валерон, расскажи агенту про Ольгу.

Валерон, закулив, прищурился от дыма.

— Значит, Ольга была шлюхой. Кликуха – Ханойская

Дырка. Это не мы прозвали, сами вьетнамцы. Приехали к нам с папашкой, что-то у них там на родине не заладилось – прибыли сюда, как незаконные эмигранты. Мы тогда с Коляном мелко плавали – палатки трясли, девок на корабли водили, лохов на японские иномарки обували – привезут матросы из рейса машины, а мы их за яйца, и снимаем тачки по «оптовой» цене.

— Что про нас говорить – Лёнчик всё знает, – сказал Колян, наливая водку в стаканы.

— Короче, Ольга с папашкой повздорила, ушла из диаспоры, язык легко выучила. Мы её взяли в оборот, подыскивали богатых клиентов. Потом у нас в Сергеевске дело наладилось – начали икру катать, а чтобы мэр не бурчал, короче, свели его с Ольгой, как с бизнес-леди. Она стала любовницей Лакрионова, но держали мы её на коротком поводке – грозили рассказать, кто она на самом деле. Иногда возили трахаться к нужным людям. Где она этого дракона нашла – понятия не имеем. Искать будем.

— Не будете, – сурово сказал Сергей.

Все вчетвером выпили.

Братья легко согласились.

— Ладно, сам ищи. Только потом нам её верни, она нам должна...

— А папашка её ... терпит? Всё-таки дочь...

— Видимо, круто они поссорились.

Колян опять наполнил стаканы. Опять выпили. Сергей с

опаской поглядывал на Арахова – он трезвый еле ехал, а теперь как – до первого столба? Поняв его мысли, Арахов серьёзно сказал:

— Я не пьянею.

— Точно, – оскалился в улыбке Валерон, разминая окурок в пепельнице. – Пьёт, как верблюд. Добро на говно переводит.

— Ха-ха. Валерон, не на говно, а на мочу! Водку на мочу! – заржал Колян. Вдруг сощурившись, сказал Сергею. – Китайцы удавить тебя могут.

— Да, – согласился с братом Валерон. – Город у нас маленький – два миллиона жителей всего. О драконе многие слышали. Он, или среди своих – китайцев, или в другом городе уже.

— Мне всё равно, где он – в городе точно есть люди, которые его съедут.

— Ты, агент, с корейцами потрещи. Они тебе помогут – всё-таки соплеменник. – посоветовал Валерон.

— Потрещу, – согласился Сергей.

Арахов, и правда, не пьянел, а вот Сергей – изрядно. Он пил алкоголь очень редко, а и то лёгкий – сухое вино или пиво, а тут сорокаградусная водка, да ещё ударными темпами и лошадиными дозами!

«Как я это выдержу?!», – думалось отрешенно. Ноги стали ватными. Такое ощущение впервые он испытал много лет назад, ещё юнцом, только отслужившим в армии, ещё до по-

ступления в институт. Так случилось, что судьба забросила его в Казахстан, в Алма-Ату, к родственникам по материнской линии – Ивановым. Был тёплый ноябрь, очень тёплый – кругом зелень, не похоже на ноябрь в России, он жил у тёти, одинокой пожилой затворницы, яростно, до безумия верующей в Бога, потому в доме не было телевизора, и его, чтобы он не скучал, взяли с собой в гости дети тёти – уже взрослая пара. Что там они отмечали? Не так важно, но таким молоденьким мальчиком он был один, остальные взрослые и даже пожилые. Хозяин, полковник в отставке, сразу проникся к Сергею симпатией: «Мы с тобой военные люди, не то, что эти не служившие хлюпики!». Всё порывался вызвонить дочку, ровесницу Сергея, чтобы познакомить их, но та тусовалась со своими и не собиралась домой, на скучную «старческую» вечеринку, ради какого-то заезжего юнца. «Ну, что ж», – резюмировал полковник. – «Тогда, пойдём пить! У меня такой замечательный самогон! Личной выработки! Правда, мутный и вонючий!». Самогон, действительно, оказался мутным, вонючим, ещё и тёплым, но пился легко, и Сергей не пьянел, а когда попытался встать из-за стола, чтобы сходить в туалет, неожиданно подняться не смог – ноги оказались ватными и отказали... Он помнил то странное ощущение, и все за столом одобрительно смеялись – все проходили через это в своё время... «Опять такая же дрянь», – подумал Сергей, глядя на весёлых братьев в креслах, потных, говорящих громко, с каким-то восторгом – что-то вспоми-

нали с Араховым, что-то очень им вместе близкое. А Сергей уже не понимал происходящего... Суперагент – нажрался в хлам в первый же рабочий день!... И как отсюда он будет выбираться?

Александра Андреева, красавица и умница, проснулась в номере скромного отеля в Суздале не от того, что выпалась, а от того, что её нагло разбудили в десять утра, разбудили звонком из Москвы. Она ещё раз, выслушав, посмотрела на свой смартфон – он, изверг, всё испортил. Хотя, сама виновата – хотела же отключить вчера перед сном. Что не отключила? Кого ждала?

Она застонала и повернулась на живот, уткнулась лицом в подушку. Срочно вызывают в управление. Вот, уроды! Человек поехал в отпуск, всё согласовал – нет, звонят, ах, Саша, ты срочно нужна... Суки. Если выражаться пространно: самки собаки! А как ещё называть этих людей? Нет никакой возможности спокойно провести отпуск. Законный отпуск, положенный, согласно трудовому кодексу... Конечно, если бы она отдыхала за границей, они бы её не достали, эти монстры, но за граница для сотрудников спецслужб России, тем более такого ранга, давно была закрыта, иначе, в связи со сложной политической обстановкой, отдыхала бы ты, Саша, не в этом красивом, неброском Суздале, среди старинных

русских древностей, а в американской тюрьме, и отдыхала долго, лет двести... Ладно, чёрт с ними! Всё равно в Суздалье скучно, чтобы не твердили рекламные буклеты! Это иностранцам интересны всякие там серпы и молоты, самовары и деревянные срубы, она девушка русская, она этой древней экзотики и так повидала сверх всякой меры в повседневной русской жизни. Что смотреть на то, что и так известно?! Вот вам и Суздаль. Тихий, маленький городок. Вот вам и «Золотое кольцо»! Ну, сходила в пару музеев, ну во Владимир съездила с экскурсией, и всё... Тоска. Обычная тоска провинциальной среднерусской равнины. Хорошо, хоть в номере тепло и погода на улице хорошая, не слякотная. А, вообще, отпуск сразу не удался, потому что, не попался интересный мужик среди отдыхающих. Эдакий мачо, чуть постарше её, но не сильно. А чё? Ей ещё тридцати нет, на кой ей старикашки, даже богатые?! У неё, вон, папа – известный художник! Не просто известный, там, в узких кругах, или, там, в России и странах СНГ, а, реально известный в мире. Так что, она тоже, не хухры-мухры девочка. Деньги у папы есть, так что, всегда баблосами прикроет, в случае крайней нужды. И сама она не человек с улицы – начальник группы в супер секретном секторе ФСБ – Особом Специальном Управлении. Так что, был бы мужик нормальный... Не олигарх и богатеё-предприниматель, а просто нормальный мужик... Мужик... Парень. Сейчас даже бывалых мужиков, если он свободен, почему-то зовут «парень». Как твой парень?

А парню за полсотню перевалило! Ужас!

Она повернулась на спину, снова приложила смартфон к уху (абонент понимал её негодование и был терпелив), спросила устало:

— И чё, мне прямо сейчас выезжать?!

Она резко села, потом спустила ноги с кровати, зацепила ими изящные тапочки с загнутыми носами, встала, посмотрела на журнальный столик между двумя креслами с разбро-
санными на нём платьями – собиралась сегодня вечером на-
ведаться в местный, ночной клуб – выпить мартини и потан-
цевать.

Голос в трубке не оставил вариантов:

— Да, прямо сейчас выезжай. Время дорого, Александра Сергеевна.

Глава ОСУ неожиданно смягчился:

— Что, порвали твой график, Саша? Хотела потусить?

Александра выдержала пауза: мол, да, хотела.

Начальник продолжил:

— Прямо езжай в управление, никаких «заскочу домой на минутку»! Поняла?

— Да.

— Жду тебя.

— А чё случилось?! – Александре стало жалко себя до отупения (что за жизнь, в самом деле, в какие веки вырва-
лась в отпуск?!).

— Саша, ты выпившая? – удивился начальник в трубке. –

Дак ещё очень рано... От вчерашнего не отошла?

— Нет, не выпившая, – Александра возмутилась (что за намёки?!), но поправилась. – Ещё нет.

— Глупые вопросы по телефону задаёшь. Расслабилась? Короче, прыг-скок в мой кабинет. Кстати, твои парни по тебе очень скучают, говорят, нет того настроения без начальницы... Хе-хе-хм... Просили тебе передать. Ладно, жду. Выезжай срочно. Всё.

В смартфоне запикали гудки.

Ждёт он! Парни скучают. Потерпите! Парни. Два дуrolома, её подчинённые – капитаны Загин и Купчик, обалдуи страшные. Скучают. А она нет!

Она с обидой посмотрела на свои платья, которые специально выбирала дома для этого отпуска, вот они, няшечки, самые-самые, взяла одно – чёрное, короткое, с полосой, приложила к себе, посмотрела в высокое зеркало встроенного шкафа – хороша! Она бы в таком платье замечательно бы погудела этим вечером и, наверное, может быть, очень, очень даже, может быть, попалась бы в сети какому-нибудь заезжему, молодому, высокому, крепкому и упругому соблазнителью! Ну, или местному, высокому, крепкому и упругому... Какая ей разница?!

Она ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Очень красивая. Только вот одна всю жизнь. Не в смысле родни – эти, не то, что достали, а супер достали. А вот без любимого мужчины. Ласкового, доброго, умного и красивого! Обязатель-

но красивого! Все говорят, мол, для женщины внешность в мужчине не важна – лгут. Даже, скажем, по простонародному: «Врут, негодяи!». Внешность очень важна! Важна и для женщины, и для мужчины!... Вот её капитаны в отделе, оба за ней увиваются, оба холостые, оба красавцы (каждый по своему)... А она им: «Нет!», хотя, в душе, они ей очень и очень нравятся... Конечно, роман на работе – это не тема, но, всё равно, куда приятнее в постели отрываться с упругим, привлекательным самцом, чем с рыхлым, пожилым «папи-ком»...

Александра снова посмотрела на себя в отражение зеркала. К чему эти мысли, эти рассуждения? Всё равно, ни молодого, мускулистого мачо, ни рыхлого «папика» нет даже на горизонте. А время идёт, и на этот отпуск у неё были планы что-то поменять в своей никчёмной личной жизни... А надо снова мчаться на службу, всю себя отдавать Родине... А что ей от этого, что? Уже не раз задавала себе такой вопрос. Что взамен? Льготная ипотека? Повышенная зарплата? Дак у гражданских чиновников её ранга, обычных канцелярских крыс, она больше, и места у них престижнее. Бюрократия. Они этим кичатся. Перед ними преклоняются... Почему она здесь до сих пор, если так часто задаёт себе эти вопросы?

«Не нравится – увольняйся, а не ной!», – это внутренний голос, он резкий и противный. Никогда его не любила. У других внутренний голос добрый, родной, а у неё такой вот, почти визжащий. А как хорошо, когда внутренний голос тебя

понимает. Вот анекдот от Юрия Никулина, знаменитого русского клоуна и киноактёра на тему доброго внутреннего голоса:

«Мужчина в Монте-Карло всё проиграл в казино, всё, и у него ничего не осталось. Он вышел на улицу, в ночь, потерянный, ни на что не надеющийся. Жизнь кончена... И вдруг внутренний голос возвал к нему: «Это ещё не поражение! Да, ты всё потерял, но у тебя осталось ещё обручальное кольцо! Вернись! Оставь кольцо в заклад, возьми фишки и поставь! Я знаю тот стол, на котором ты всё вернёшь! Нет, ты не просто вернёшь проигранное, а станешь богачом! Иди и сделай это!». Мужчина вернулся в казино, обменял кольцо на фишки. Голос руководил: «Нет, не садись за этот стол! И не за этот! Иди в самый угол! Да, здесь! Теперь просто всё поставь на чёрное. Всё сразу ставь на чёрное! И мы начнём выигрывать!».

Мужчина послушно сделал ставку – поставил все фишки на чёрное.

Крупье запустил рулетку.

Выпало красное...

Внутренний голос искренне удивился: «Как я ошибался!»...

Александра усмехнулась – лезут же в голову дурацкие мысли! Ну, вызвали на службу, и что теперь так переживать?! Может, просто вызвали, на пару дней. И она вернётся, и своё наверстает. Она наверстает! Ох, наверстает!...

А через несколько часов она будет уже в Москве, на работе...

Александра в отпуск поехала на своей машине – раз недалеко от Москвы, что мудрить, коли есть свои колёса. Это была её вторая машина, тоже не новая, тоже «Хюндай-Соната». Первую подарил отец, когда она успешно поступила на службу в ФСБ. Её, эту старенькую, но такую уютную машинку убабахали злодеи, устроив покушение на молодого принципиального дознавателя – бомбу подложили! Это после Красноярского дела, когда она раскрыла череду убийств на таёжной базе, только дело тем не кончилось, и в Москве потом разборок хватило! И лишилась Александра Сергеевна своей любимой машинки, и очень по ней тосковала. Хорошо, что папа – модный и богатый художник. Отец только попенял, что профессия у доченьки очень уж опасная, но денег на машинку дал. Эта «Соната» была новее первой, но Александра всегда вспоминала ту, первую. Наверное, это нормально – вспоминать первых...

Приехав в управление, Александра сразу к начальству не пошла, заглянула в родной кабинет. Капитаны Загин и Купчик были на месте – с неподдельным интересом смотрели по монитору компьютера через Интернет старый фильм о проделках Доктора Зло.

— О, начальница! Как отдыхается?! – заулыбались капитаны, не меняя позиций – Александра числилась в отпуске и была не опасна – не имела морального права делать замечаний, мол, что это за расслабуха в отсутствие руководителя?!

Александра ухмыльнулась:

— С вами отдохнёшь! Как же!

— Так ты без нас пыталась отдохнуть! Вызвали?

— Вызвали срочно. В чём дело? Вы в курсе?

— Ни сном, ни духом! Мы кто? Рядовые невидимого фронта. Это ты у нас великая и могучая. Та, которая всё видит, всё знает, всех побеждает!

— Ха-ха! Загин! Смейся, смейся... ладно, мне нужно свою папочку взять. В стол мой не лазили?

— Никак нет. Он заперт.

— Вам замок вскрыть! С вашими-то талантами!

— Нет, честно... Даже денег не тронули, что в ящике!

— Всё-таки, лазили, – вздохнула Александра. – Что искали? Шкодливые, как коты!

— А что за деньги? Взятка?

— Нычка, – Александра посмотрела на скромную красную пятитысячную купюру в ящике стола, забрала её от греха подальше. – Всё, я их забрала, мои денежки.

— Мы к деньгам равнодушны, ты знаешь, начальница.

— Вот вернусь из отпуска, шкуру спущу!

— Ой-ё-ёй... Ты сначала вернись...

— Нет, парни, вот как с вами бороться? – возмутилась

Александра. Она начальница, в самом деле, или место пустое – лежат в креслах, кино смотрят, никакой реакции на её появление. Удоды!

— А чё? Мы тебя любим!

В это время на экране был кульминационный по напряжению эпизод фильма. Маленький и лысый Доктор Зло, прищурив глаза и сузив губы, по телемосту шантажировал президента и правительство США:

— Если вы не переведёте на мой тайный счёт охренеллиард долларов, я сброшу ядерную бомбу на Вашингтон!!!

В правительстве удивились:

— Что это за цифра? Нет такой цифры!

Сидевший в кабинете Доктора сын (не с кем было оставить дома) скромно подтвердил:

— Папа, нет такой цифры: охренеллиард!

Доктор Зло обернулся к сыну, сказал сдержанно:

— Раз пришёл, сиди и не мешай. Не видишь? Папа работает!

Потом снова направил своё внимание на правительство США:

— Так вот, если вы не переведёте на мой счёт...

— Зря вы это смотрите. И так всё ясно, – заявила Александра подчинённым.

— А что? – отвлёкся Купчик. – Саша, давай с нами. Прикольный фильм.

— Что прикольного? Мне уже всё известно.

— Фильм видела? Дак и мы его раз сто смотрели.

— Я не о том. Вы же должны мыслить логически, словно шерлоки холмсы. Доктор Зло обещал взорвать Вашингтон, если ему деньги не переведут. Вашингтон целый. Значит, деньги ему перевели.

— О-о-о! А может, Доктора обезвредили.

— Доктора Зло обезвредить невозможно! – Александра развлекалась.

Капитаны расплылись в улыбках. Они любили пошутить. Так и работали с растянутыми ртами до ушей по жизни. Два жизнелюбца.

Александра помахала растопыренной пятернёй:

— Удачного просмотра. Я – к главному!

Александра покинула кабинет и отправилась к начальнику.

Генерал был на месте. Принял Александру сразу.

— Садись, Александра Сергеевна. К своим заходила уже?

— Да.

— Работают?

— В поте лица.

— Хорошие ребята.

— Да, хорошие. Но они не в курсе, зачем меня вызвали.

— Ты же знакома с Серёжей Ли?

— Да, пересекались.

— Его мы отправили на Дальний Восток. Вот возьми эту папочку, ознакомься. Там всё, что и как.

— Мне с капитанами готовиться к отправке? – прямо спросила Александра.

— Нет, с этим подождём. Просто ознакомься.

— Можно дома ознакомиться? Я только приехала.

— Конечно. Ты же в отпуске... Но из города не отлучайся! Александра кивнула (само собой!). Хороший у неё отпуск, интересный... Так их всех, рас-так!...

Помотав нервы в московских пробках, Александра добралась до квартиры родителей, в которой жила.

Александра зашла домой.

— Мама, я дома!

Элитная многокомнатная квартира в центре, стоящая миллиард рублей с лишком, походила на музей. Это помещение, со множеством антикварной мебели, с множеством картин русского ренессанса и ваз древнего Китая, была для матери золотой тюрьмой. Она пила водку и злилась на успешного и красивого отца – он её обязательно бросит, такой продвинутый и крутой, а она здесь, среди дорогой рухляди, никому не нужная, потратившая на него всю свою жизнь...

— Мама! – позвала Александра.

Мать вышла из своей комнаты, словно призрак – в белой ночной рубашке, волосы распущены.

— Саша, это ты? – и пошла в туалет, словно лунатик.

У Александры всё настроение погасло.

Не дали отдохнуть в отпуске, а дома – ад... Лучше бы в командировку!

Она стремительно прошла в свою комнату, села на широкую двуспальную кровать, раскрыла папку, что выдал ей начальник управления... Так, Ольга, дочь Хэн Хана. Так, братья Акашины. Группировка Кима...

Александра развела в стороны руки и рухнула спиной на постель... Пошли все на хрен! Пусть все сядут на такой огромный грязный корень из земли, с отростками и волосками... На хрен! Пора ей съезжать с родительской квартиры, снять какой-нибудь лофт. Пусть отец оплатит. Вот где он? Что, мать разве зря злится? Тусуется среди богачей и молодых баб... Урод... Она его любит, но урод... Зачем так мать мучает? Она мать любит, и его любит... А ей, Андреевой Александре Сергеевне давно пора жить отдельно, самостоятельно. Она замечательный сотрудник контрразведки ФСБ, она как танк и ядерная ракета, но в повседневной жизни всё ещё не самостоятельная девушка. Её легко обидеть... Она слабая девчонка... Ей нужен мужчина. А она никому не нужна, не мужчинам, не матери, не отцу. Сейчас позвонит ему, пусть скинет на карту тысяч двести-триста, и она не скажет ему, для чего ей эти деньги... Любишь дочь – давай деньги! На хрен, надоело всё!

Она набрала номер отца.

Занято.

Снова набрала.

Занято.

Удод... Только о себе думает.

Она включила СМС, набрала отцу: «Срочно сбрось двести тысяч рублей – я уезжаю в командировку», тут же поняла – перебор с суммой. Ну, пусть тысяч тридцать хоть скинет – деньги, они всегда нужны. Исправила с СМС сумму на тридцать тысяч.

Отправила и отключила телефон.

А если срочный звонок из Конторы?

Пошли они все на три буквы!

— Сашка! – из-за двери, в коридоре, заорала мать. – Сашка, выходи! Кормить тебя буду! Выходи!

— Отстань, – тихо пробурчала Александра.

— Сашка! Выходи!

Ведь не отстанет...

Александра открыла ноутбук, лежавший тут же, на кровати, открыла почту – если вызовут, то вызов придёт и на электронную почту. А говорить с отцом, что-то объяснять, у неё нет сил. Даст денег? Папа добрый. Папа даст. А может, и не даст. Он, когда выпивший – жадный. Нахлещется шампанского на своих фуршетах, и становится нудным, отвратным... Зачем тебе тридцать тысяч? Тебе какое дело? Надо! Народил дочь – плати!... Так ему!...

Александра встала с кровати, осмотрела свою неряшливую комнату, пошла к двери, открыла, вышла в коридор.

Мать стояла, немного отупевшая от выпитого – было видно по её лицу.

— Привет, ма, – Александра улыбнулась.

— Сашка, пойдём, кормить тебя буду.

— Пойдём.

— Отец тебе не звонил?

— Нет.

— Вот урод.

«Оба вы уроды. Моральные.», – подумала Александра...

Сергей проснулся утром в квартире Арахова на диване. Голова ныла, сердце долбило отчаянным боем в груди, и очень сильно хотелось пить. Жажда была просто отчаянная! Боже, за что? За что ему такое испытание? Он же спортсмен, ведущий здоровый образ жизни. Вот он и вышел боком, этот образ – не привыкший к крепкому алкоголю организм отчаянно отравился! Сейчас только лежать, в болезненном покое, и не шевелиться, и за пару дней он переработает отраву. Надо пить и пить жидкость – холодную, чистую воду. Она принесёт облегчение, принесёт избавление от жажды! Боже, какой сушняк! Так, кажется, это называется... Алкаш... Сергей пытался вспомнить, как они покинули офис братьев, и как добрались домой, он не помнил.

Он ещё секунду смотрел на стену в обоях, потом, с болью

в мышцах и голове, перевернулся на другой бок.

Лёнчик был бодр, словно совсем не пил вчера, расхаживал по залу в звёзднополосатых семейных трусах, о чём-то размышляя. Выглядел очень деловито.

— Ты где спал? – спросил Сергей, морщась – голова вскипела болью от его собственного голоса.

— С тобой на диване.

— Со мной? – Сергей ужаснулся. Он никогда в жизни не спал рядом с женщиной на одном спальном ложе!

— А где? – Арахов удивился его реакции. – На полу жестко и холодно.

Вдруг всохотнул с восторгом:

— Ха-ха, да ты не бойся – корейцами не интересуюсь. Не веришь? Встань, пройдишь – если бы я тебе своего впихнул – неделю бы стонал от боли. Ха-ха.

— Ну, тебя, – обиделся Сергей.

— Как чувствуешь себя? Ты вчера здорово надрался. Помогал тебе идти к машине. Братьям это понравилось. Шутили, мол, хлипкого суперагента из Москвы прислали в наше болото. Не жилец!

— Иди ты!

— Ха-ха-хэ-хы... Чё, сушняки дают?

— Да, выпил бы ведро холодной воды.

— Газировки?

— Просто воды.

— Как говорил философ: кто не пил водки, не знает вку-

са воды! Очень точно подмечено! Вода не имеет вкуса, но, какая она обалденная на вкус с похмела!

— О-о, – застонал Сергей, пряча лицо в подушку. Потом резко сел. – Не говори про воду. Я и пить хочу, и ссать хочу одновременно.

— И холодненький компресс на лобик. А я люблю с перепоя именно газированную воду. Не минералку, с её всякими солями там, а простую чистую холодную газированную воду. Очень бодрит. Или рассол. Огуречный, капустный или от маринованных помидоров.

— По тебе не скажешь, что ты можешь болеть с перепоя.

— Это я трещу, что не пьянею. Я обычный человек. Простой сотрудник, а не суперагент, как ты. Чё, вам прививок не делают от опьянения?

— Нет таких прививок. Не существует.

— Плохо. А вот в фильмах про британского агента 007 Джеймса Бонда, тот пьёт и не пьянеет, и баб дерёт массово так, скопом. Налупится вина, виски, шампуся, и давай баб шпарить. К нам бы его заслали, я бы поймал его и проводил научные эксперименты: поил немеренно и заставлял трахаться, и всё это записывал в специальный журнал, а утром воды там из-за сушняков не давал.

— Лёня, – вдруг Сергея посетило озарение. – А таблетки от похмелья у тебя нет?!

— Есть, – с готовностью отозвался Арахов. – Я такую таблетку уже выпил.

— А мне, почему не предложил?

— Ты же суперагент!

— Всё равно, хочу таблетку.

— Без проблем. На кухне, на столе упаковка. Холодная вода в холодильнике, в бутылках. Есть газированная, есть простая.

— Ты ангел.

— Я подготовленный. Я часто общаюсь с такими субъектами, как братья Акашины, и, к сожалению, употребление крепкого алкоголя при таком общении норма...

После принятия таблетки, растворённой в стакане воды, и ещё одного стакана воды, и после контрастного душа, в ванной, у зеркала, Сергей чистил зубы и комбинировал. Визит к братьям дал не много – он выяснил, что Ольга была не вьетнамской рукой в администрации Сергеевска, а человеком портовой группировки. Ещё – она не могла вернуться к отцу – с ним у неё крутая ссора. Как и планировалось изначально, теперь требовалось побывать в корейской диаспоре, и отсечь её от китайцев, а потом... потом уже приниматься за выходцев из Поднебесной. Всех китайцев под одну гребёнку не расчешешь – часть хотела стать реальными россиянами, часть делала здесь деньги, чтобы потом вернуться в родной Китай, а часть были космополитами – они не признавали ни Россию, ни Китай, ни противостояния Китая с Тайванем, а лишь собственные корыстные интересы. Вот эти последние и могли «приютить» дракона.

Он вздохнул – Арахов сказал, что корейцы, после их визита к портовой братве, сами выйдут на Сергея, значит, кто-то у братьев «работал» на корейскую диаспору. И это вскоре прояснится...

Подкрепившись жареной картошкой, поехали к корейцам.

Арахов объяснил, что «пахан» корейцев, 62-х летний Сашка Ким, по утрам тусовался в своём ресторане у городского рынка.

— Пьёт кофе капучинно. Это такое...

— Знаю.

— Ты знаешь, что такое капучинно? – Арахов надул щеки, потужился, потом расслабился. – Не получилось.

— Что ты хотел?

— Бздонуть на весь салон.

— Зачем?

— Чтобы ты понял, что врать не хорошо.

— Правильнее выразиться – лгать.

— Ты будешь учить меня русскому языку? – искренне изумился Арахов.

— Конечно. Кто я? Русский кореец. А ты? Обыкновенный татарин. Сам сказал.

— Ха-ха-ха-ха-ха!!! А ты злопамятный... Вы, азиаты, все

такие, коварные и злопамятные.

— Ты не смейся. Ты лучше скажи, почему трусы купил американские?

— Понравились? У меня ещё есть трусы, все долларами изрисованные.

— Доллары, Лёня, должны быть в кармане, а не нарисованные на трусах.

— Мудрая мысль. Но, как говорится, чем богаты.

— Это флаг возможного агрессора, нашего постоянного противника.

— Я же не на груди его ношу, а на жопе.

— Тормози-и!

У бетонного забора рынка, среди деревьев, Сергей заметил странную возню. Четверо парней-азиатов метелили длинноволосую блондинку. Девка закрылась руками, но побои сносила молча. Это был, или наглый грабёж среди бела дня, или разборка на низшем уровне в сексуальном бизнесе. Однако чтобы это ни было, Сергей решил вмешаться. «Приора», с разворота врубила тормоза и, юзом, подлетела к обочине.

Получилось круче, чем у профессиональных водителей, пожелай они так притормозить специально.

— Уф-ф, – Арахов, бледный, виновато заулыбался.

Сергей толкнул дверцу, и прыгнул на улицу. На шум парни обернулись. Удар, ещё удар – Сергей, не давая опомниться, глушил злодеев – через пять секунд против него остался

один противник, остальные корчились на земле. Девка плакала, закрывая лицо.

— Тихо! – Китаец выхватил, из под пиджака, пистолет, и направил в лицо Сергею. – Убью!

Улыбаясь, Сергей развёл руки. Он сейчас разглядел, что девка, из-за которой он ввязался в драку, тоже китаянка – длинный парик соломенного цвета съехал на бок. Всё-таки, здесь была разборка сутенёров с проституткой.

— Эй, ты! Волыну убери! – из-за спины Сергея, заорал Арахов.

Китаец испугался и, вдруг, выстрелил в Арахова.

— Блин!

Сергей метнулся в сторону. Арахов, ругаясь, спрятался за своей машиной. Парень с пистолетом, нервно корчась, схватил девку за шею, дёрнул на себя, и приставил пистолет к её голове.

— Тихо! Тихо всем! – заорал он визгливо.

Его подельники, отирая разбитые физиономии, отряхиваясь, поднялись на ноги. Они не собирались шутить – у каждого в руке вдруг оказалась короткая арматура с резиновой ручкой.

И снова завизжали тормоза.

Сергей оглянулся.

Широкое «БМВ», чуть не вlepившись в зад Араховской «Приоре», разом раскрылась – из всех дверей полезли боевики-азиаты, в пиджаках и с пистолетами.

— Бах! Бах! Бах!

Шквал огня обрушился на китайцев. Парень с пистолетом, пробитый пулями, дёргался, отлетая к забору. Уже мертвый, он стрелял куда-то в небо. Другие китайцы бежали.

Сергей лежал, вжимаясь в землю. Девка визжала пронзительно, на всю округу.

— Успокойся! – боевики схватили девку за руки, и поволокли к машине.

В затылок Сергею упёрся ствол пистолета.

«Зачем я полез в эту заварушку?».

— Ты тоже! Вставай!

Его рывком поставили на ноги, нагнули голову и толкнули в салон – он упал на чьи-то колени, упёршись лицом прямо в задницу китайки, лежавшей тут же, и рыдавшей. «БМВ», ревя двигателем, сорвалась с места.

— Стой! Стой! Эй! – различил Сергей крик Арахова.

— Утихни, – и вдогонку грянул выстрел. – Бах!

Сергей втянул в себя воздух, вместе с пряным запахом неподмытой девки. Неужели убили Арахова? Нет, забавлялись – вслед за выстрелом начался смех.

Отсмеявшись, сразу заговорили не по-русски. Вьетнамцы!

Сергею невозможно было пошевелиться. Всё тело его болело, сжатое со всех сторон. «Терпи», – твердил разум, но тело отказывалось. Он пошевелился.

— Лежи спокойно.

«БМВ» встала. Сергея толкнули. Он с готовностью рванулся назад, и вывалился в открытую дверь на грязную землю. Следом полезла девка, чуть не ударив Сергея в лицо каблуком.

Боевики вышли, подхватили Сергея за шиворот куртки, и повели к открытым воротам автостоянки. Где он находился, Сергей понятия не имел. Высокий забор скрывал длинное одноэтажное здание с узкими окнами.

Девке надавали по щекам, и увели в маленькую дверь под вывеской «Автомойка». Сергея же, молча подталкивая в спину, направили к железной двери, рядом с которой по штукатуренной стене мелом, были выведены иероглифы и русский перевод: «Спортзал».

Сергей вошёл в тёмный узкий коридор. Его провели мимо приваленного к стене старого биллиардного стола – в ногах приснули в дыру в стене две серые крысы.

За поворотом коридор упёрся в ажурную стеклянную дверь.

Шедший впереди боевик, отворил дверь, и Сергей оказался в освещённой красными фонариками комнате. Сергей с удивлением огляделся – убранство комнаты было в юго-восточном стиле – шёлковые драпировки с золочёнными драконами и стеблями бамбука, высокие фарфоровые вазы на полу, подушки, плетённые циновки. В кресле, в тёмном углу, под балдахином из тяжелого шёлка, с золочёнными кистями, сидел худой мужчина-вьетнамец, с надменно сжатым ртом.

Один из боевиков, подошёл к хозяину комнаты и что-то сказал ему на ухо. Тот хрипло засмеялся, и коротко взмахнул маленькой рукой. Все боевики быстро вышли.

— Хе-хе-хе. Вступился за китайскую проститутку? Но ты же не китаец. И не кореец.

— Что? – Сергей не понимал, кто с ним говорит, и смысл его слов.

— Ты не кореец. Ты сын Хо Цуна. Ты вылитый Хо Цун в молодости.

— Кто вы?

— Я? Хэн Хан, отец молодой женщины, которую ты ищёшь.

— Я Сергей Ли, агент Особого Специального управления ФСБ.

— Наслышан. Ли, да-да – это тот лётчик. Я помню его. Ему нравилась Зина. Как мы тогда говорили Зи-На. Мы тогда плохо говорили по-русски. Хе-хе.

— Вы знали мою мать? – Сергей шагнул к хозяину вьетнамской мафии.

— Знал. Она работала в больнице, которая обслуживала наш сельский округ. В нашей деревне была эпидемия лихорадки. Русские врачи творили чудеса. Особенно Зи-На. Она отпаивала нас лекарствами, колола шприцом – не брезговала лечить измождённых крестьян. Мы очень любили и уважали нашу Зи-Ну. Значит, она вышла замуж за лётчика, – Хэн Хан задумчиво закивал головой.

— Вы сказали, я похож...

— А-а, вот ты уже и забыл о моей дочери. Хе-хе. Ты молод, Серёжа. Но я говорю правду, не пытаюсь мутить твои мысли в мозгу. Ты вылитый Хо Цун. На прошлой неделе я был во Вьетнаме, ездил закупать наш знаменитый рыбный соус «ньюк мам» для своих ресторанов. Был в родной деревне. Хо Цун постарел. Да, а тогда... давно... он был начальником деревни. В деревнях у нас были учреждены коммуны и они долго у нас держались, как у вас колхозы и совхозы. Хо Цун был нашим начальником. Нужно было много рису. У Вьетнама было только два богатства – дружба с русскими и рис. Да... Зи-На спасла нас от смерти – половину деревни – это точно. Все мужчины в деревне, узнав, что наша Зи-На отработала свой контракт, и возвращается в Москву, скинулись, и купили ей в подарок очень дорогой сервиз из фарфора. Хо Цун, от имени деревни, преподнёс его в подарок твоей матери, но она отказалась – она была очень молода, и думала, что это не хорошо, принимать подарки от спасённых больных. Тогда мы пригласили её к нам в гости. У неё был отлёт через четыре часа, но мы сказали, что она нас очень обидит, если откажется от приглашения. Начальство разрешило Зи-Не посетить нашу деревню. Мы ехали в автобусе через поля, где созревал рис – богатый урожай. Мы остановили автобус и стали пить водку – за наши поля, за урожай, за Зи-Ну. Зи-На тоже пила, и так упилась, – Хэн Хан, усмехаясь, кивнул головой, – что уснула. Мы сначала не заметили, что Зи-На

спит – пили рисовую водку, говорили о своём все разом и вдруг, видим – дурак Че Шо – деревенский мальчишка, задрал платье нашей Зи-Ны, снял её трусики, и жадно пользуется её. Мы ополоумели – мы прогнали мальчишку и сами, торопясь, ругаясь из-за очереди, сближались со спящей Зи-Ной. Мы были пьяны, Серёжа, и Зина была так прекрасна – белая женщина, почти богиня. Не забываемые минуты. Я помню их до сих пор.

Сергей смотрел в упор на ухмыляющегося вьетнамского мафиози, силясь понять – правду он говорит или несёт блеф, чтобы сбить его, запутать... Он говорил невероятное, но ... Мысли роились, мешались в клубок... Кровь прилила к щекам.

Хэн Хан, глядя пустыми глазами в сторону узкого окна, продолжал вспоминать:

— Только Хо Цун возмутился, заорал и стал мешать нам. Да... Мы здорово поколотили его. Каждый недолюблывал начальника деревни – вот и всыпали ему за все обиды. А потом, чтобы он нас не выдал, и его заставили сблизиться с Зи-Ной. Его семя пробило оборону... Ты сын Хо Цуна, Серёжа. Хе-хе... Так это было. А лётчик, значит, всё-таки, женился на ней... Мы привезли пьяную и спящую Зину в русский посёлок в назначенное время. Представитель, отпустивший Зи-Ну, очень ругался на нас, обзывал свиньями, кричал, что его доброта может погубить его карьеру. Да... А сервис мы передали ему, и сказали, что это подарок Зи-Не.

Сергей смотрел в пол. Вот тайна его рождения, вот почему отец Ли бросил мать, когда сроки беременности не совпали! И этот сервиз...

Хэн Хан повернул лицо к Сергею.

— Я велел своим людям найти тебя, чтобы высказать просьбу – когда найдёшь мою дочь Ольгу, скажи ей, что отец очень, очень хочет помириться. Пусть живёт, как хочет, но относится ко мне по-прежнему – с дочерней любовью, как в детстве...

— Значит, вы не знаете, где она?

— Мы несколько лет не общаемся.

— Почему?

Хэн Хан развёл руки.

— Она стыдится моего бизнеса. Ей лучше иметь отца, гнущим спину за чёрствый кусок...

— Ваши люди убили человека...

— Когда? – Хэн Хан удивился, и тут же смягчился, заулыбался. – Этого не доказать. Да и был ли человек? Незаконный эмигрант.

Сергей резко спросил:

— Я могу идти?

— Иди. Только не забывай – и моя частица есть в твоей крови.

— Не забуду. Как имя того человека?

— Хо Цун.

Сергей решительно толкнул дверь, и пошёл прочь по ко-

ридору – его никто не удёрживал.

Хэн Хан самодовольно посмеялся, потом полез своей маленькой рукой себе в штаны, вытащил напряженный, тонкий член.

— Лан Джи.

Из-за штор выскользнула молодая женщина. Она с готовностью опустилась на колени и, принялась, делать минет умелым ртом...

Сергей сидел на лавочке у автобусной остановки. «Приора» Арахова, лихо затормозила у бордюра. Арахов, толкнув дверцу, крикнул:

— Живой? Садись!

Сергей покорно влез в машину. Арахов выжал сцепление.

— Я уже навёл справки – люди Хэн Хана.

— Хэн Хан сказал, что не видел дочь несколько лет. Просил, когда найдём Лан Джи, передать его просьбу о примирении.

— Не видел много лет? Пи—ит, – Арахов оскалился в усмешке. – Этого козла видели в Уссурийске, в ночном баре за столиком со своей дочкой в марте этого года. Они коротко о чём-то поговорили, и разошлись.

— Ага, значит, многое, что он мне поведал по собственной инициативе, может быть чистойшей воды туфтой... По-

ехали в управление, хочу сделать срочный запрос.

— Открыто, в управление?

— А зачем скрываться? Я работаю явно – все знают, что я из Москвы приехал Дракона Любви искать.

— Дракона Любви. Ха-ха, – Арахов засмеялся. – Наверное, сейчас драконит дочку Хэн Хана... Они могут быть связаны.

— Кто?

— Хэн Хан и Дракон.

— Почему?

— А почему Хэн Хан солгал тебе?

«Приора», набрав скорость, неслась по второй полосе. Арахов, пуча глаза, еле успевал выжимать звуковой сигнал: «Пи-и! Пи-и!».

— Сбрось скорость. Угробимся! – забеспокоился Сергей.

— А? Что? А-а...

Арахов пришёл в себя, убрал ногу с педали газа. Машина стала успокаиваться.

Завернув к управлению ФСБ, Арахов, почти профессионально, вырулил на парковочную площадку, и вогнал машину в тесный ряд. Затормозил он с опозданием – «приора» стукнулась колёсами о бордюр, и оба пассажира, как следует, встряхнулись.

— Приехали.

— Разбабахаеть ты свою машину, Лёня, с такой ездой.

— Я научусь, Ли.

— Зови меня Сергей.

— Ли более звучно. Суперагент Ли-Отважный разыскивает злого шпиона.

— Выходим, Арахов-Невыносимый.

По спецканалу Сергей сделал запрос в ГРУ о прошлом главаря дальневосточной вьетнамской преступной группировки Хэн Хана. Ответ пришёл незамедлительно.

Хэн Хан не проявлял своей незаурядности вплоть до начала изменений в политике коммунистической партии родной страны – в это самое время идеи рыночных реформ легли на благоприятную тропическую почву Социалистического Вьетнама. В страну получили доступ западные туристы и бизнесмены. Хэн Хан жил в родной деревне, еле сводя концы с концами. Супруга его умерла, а подраставшая дочь Лан Джи приносила больше неприятностей, чем радости – она бегала в рисовые поля к молодым парням, и её не раз видели в однозначно объяснимых ситуациях. Но однажды, случилось так, что приезжие французские туристы застали Хэн Хана с дочерью на окраине деревни. Французы (два толстяка с красными руками), показали Хэн Хану деньги, и стали расспрашивать о сомнительных удовольствиях в их краю. Кроме банальной проституции, предложить было нечего. Но французы были горазды на выдумку. Узнав, что Лан Джи родная дочь приветливого вьетнамца, они попросили Хэн Хана, за хорошую плату, потешить их извращенную похоть – они предложили Хэн Хану совокупиться с Лан Джи. Хэн

Хан возмутился, но Лан Джи, увидев деньги, скинула одежду: «Отец, я уже давно женщина, какая разница, кто со мной сольётся в очередной раз! Зато у нас будет много денег!». Хэн Хан не устоял – нищета вселяет ад в души людей. Он овладел Лан Джи. Туристы, всё тщательно снимавшие на видео, очень довольные, щедро расплатились, и уехали в Ханой. Хэн Хану было стыдно, он стал бояться дочери, избегал её, а, когда говорил с ней, не смотрел в глаза. Но через трое суток французы вернулись, снова заплатили деньги, и Хэн Хан пользовал дочь уже со спокойным сердцем. Потом были другие туристы – из Франции, Бельгии, Германии. Прилюдные соития, помимо денег, уже приносили Хэн Хану извращённое удовольствие. Односельчане долго не могли выпытать у Хэн Хана, что такого находили иностранцы в доме скрытного хитреца. Доходы Хэн Хану скрыть не было возможности, и напившись пьяным, он разболтал тайну опустившимся от пьянства и бедности приятелям. В следующем приезде, иностранцев потешали уже четыре семьи. В Ханое стали поговаривать о появлении в джунглях «деревни извращенцев». В Европе, из уст в уста передавалась молва о новом вьетнамском аттракционе – отцы пользуются дочерей, а потом уступают их туристам.

«Прибыльный бизнес» прекратили не спецслужбы и борцы за нравственность, а «новые вьетнамцы». В деревню примчались пять джипов «Лэнд Крузер», мускулистые суровые парни в джинсовых майках с бамбуковыми палками в руках,

обыскав хижины, согнали на площадь всё население и быстро выявили «виновных». Хэн Хан и его дружки получили по сотне палок – избитые, они были брошены в сточную канаву, а их дочерей, в наказание, увезли в Ханой для занятия «честной» проституцией.

Через два месяца Хэн Хан окончательно оправился от побоев – продал дом и нехитрый скраб, он отправился в Ханой искать дочь. Мытарства по трущобам и притонам трехмиллионного города оказались не напрасны – Лан Жи «работала» в притоне у реки. За неутомимость в любви она получила прозвище Ханойская дырка. Притон охранялся боевиками Чхук Пына – одного из ханойский авторитетов. Хэн Хан дал знать дочери, что он в городе. Только через неделю Лан Жи удалось бежать. Но оставаться в Ханое было нельзя – Чхук Пын не терпел непокорности – Хэн Хана и Лан Жи ждала мучительная смерть в случае поимки. Боевики Чхук Пына привязывали казнимых к земле, из которой уже тянулись ростки бамбука, и за ночь тела несчастных пронзались молодыми стеблями насквозь.

Добравшись до Хайфона, отец и дочь решили бежать из страны – у Хэн Хана ещё оставались сбережения от прежних заработков в деревне. Дешевле всех брались вывезти тайных эмигрантов россияне – за три тысячи долларов Хэн Хан с дочерью, в трюме сухогруза «Петропавловск», в компании сотни подобных себе беглецов, доплыли до Дальнего. Здесь была большая вьетнамская диаспора – главарь вьетнамцев Нгу

Енг взял Лан Джи (теперь Ольгу) себе в наложницы, а Хэн Хана пристроил в свой ресторан. Год за годом Хэн Хан был покорен, исполнял для Нгу Енга щекотливые поручения, заводил знакомства среди вьетнамцев, русских, корейцев, китайцев, со всеми был приветлив и учтив, все знали Хэн Хана, как расторопного и верного слову человека. Ольга родила Нгу Енгу ребёнка. Размякший Енг, боясь налоговой полиции, переписал свои рестораны на верного Хэн Хана. И тут Хэн Хан сбросил маску. Во главе группы подонков, он ворвался в дом Нгу Енга, и устроил резню – убили Енга, всю его охрану, прислугу и младенца. Ольгу Хэн Хан выволок за волосы на улицу: «Теперь ты свободна, дочка! А я богат! Теперь будут подстраиваться под нас, и тебе уже не придётся продавать своё тело и душу!».

— Ты убил моего ребёнка!

— Что? – Арахов отвлёкся от сосредоточенного курения сигареты, хотя в кабинете висела предупреждающая табличка.

Сергей сидел за монитором компьютера и читал, выведенную на экран информацию.

— Представляю, каково ей было – этой Ольге – дед убил внука... Значит, они, правда, в ужасной ссоре, и братья Акашины тогда-то взяли Ольгу в оборот.

— Может, Ольга не любила своего ребёнка – родила-то она его не по собственной воле – она была бессловесной наложницей Нгу Енга, который вдруг проникся к ней чув-

ством, и пожелал иметь от неё детей.

— Здесь пишут – после гибели Нгу Енга, контактов между Лан Джи и Хэн Ханом не замечено.

— Это у них написано, а я тебе говорю – засекали их!

— Ты чё тут куришь?! Вон табличка – не курить! По-английски написано. Для кого?

— Наверное, для английских шпионов. Наши все здесь курят. Для чего здесь пепельница?

Сергей только сейчас обратил внимание на пепельницу, давно не мытую. Арахов пояснил:

— Велели повесить табличку – повесили. Здоровый образ жизни всё пропагандируют из Кремля. Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт. Но помрет же. Всё равно помрёт. А у нас, у контрразведчиков, работа, в основном, мозговая. А мозгу удобнее работать в комфорте. А раз человек курит, привык курить, ему просто хочется покурить, когда мыслишь, мозгуешь, анализируешь. Вот и курят, не смотря на табличку. Думают, запрет объявили, и все покорились. Фиг, вам! Как сказал один знаменитый артист: пить буду, курить не брошу... А что случилось когда Горбачёв объявил антиалкогольную компанию в СССР? Чё, бросили пить? Страна развалилась.

— Ты что так взвился? – удивился Сергей. – Я просто спросил.

— Всё узнал, что хотел? Поехали отсюда.

Из информационного отдела УФСБ поехали обедать в

центр города.

— Почему не домой? – ныл Арахов, выворачивая руль.

— У меня свербит мысль в голове, что сегодняшняя встреча не была последней. Из-за меня у боевиков Хэн Хана вышла стычка с китайцами. За мной должны следить.

— Кто?

— И вьетнамцы, и корейцы, и китайцы. Как только я окажусь в укромном помещении кафе за столиком, ко мне подсядут.

— Подсядут, если ты за столиком будешь один.

— Да.

— А я? Я жрать хочу. Когда я сытый, я охотнее служу Родине.

— Заворачивай к тому книжному магазину. Вон, купишь себе палку шашлыка и потусуешься у книжных прилавков, а я подожду связных...

«Приора» прижалась к тротуару. Аккуратно утопив все штырьки дверных замков, Арахов демонстративно потянул носом ароматы, исходившие из открытых дверей кафе и, подбросив ключи на ладони, пошёл в Краевой Книжный Центр. Сергей отправился в кафе.

В полутёмном зале, за многочисленными столиками, гомонили посетители, в основном студенты. Официантка в красном переднике, торопливо разносила заказы – пиво, салаты, пельмени, супы, закуски. Сергей присел за второй столик от двери, заказал стакан горячего какао. Есть совершен-

но не хотелось, но от сырости, исходящей от весеннего моря, он совершенно продрог.

Он пил неторопливо какао, оглядывал посетителей. Нет, не правильно он рассудил, что именно в общественном месте на него выйдут люди одной из мафиозных группировок. Выжидая, он утрачивает инициативу – выйдут на него представители диаспор, не выйдут. Надо самому искать встречи. Надо торопиться – Дракон Любви не на печи валяется, он рыщет в Дальнем, выведывая государственные секреты.

Сергей допил какао, и пошёл в книжный магазин. Арахов у книжного развала задумчиво листал толстенную книгу в глянцевом переплёте.

— Что так скоро? – спросил, не отвлекаясь от чтения.

— Интересная книга?

— А... про индейцев. Чингачкук Большой Змей, бледнолицые, Верная Рука, – Арахов захлопнул книгу, и вернул её на место. – Я вот думаю – индейцы давали имена благодаря чертам характера... А Чингачкука звали Большой Змей.

— Вредный был дядька, пакостил много.

— К тебе никто не подошёл?

— Нет. Зря я начал вилять... Ждать. Неожиданная встреча с Хэн Ханом не должна была отвлекать от намеченного плана. Мы собирались поговорить с боссом корейцев Кимом, значит, должны ехать к нему в ресторан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.